

Анна Курина

Три железных дня

*Бывает, за год сеть
совется,*

*А все разрубят три
железных дня.*

**Версаэттская
поговорка**

— Сир, вы здесь, как мишень... У лучников словно на ладони.

Тэррин молчал, конь прядал ушами, а ветер волнами набегал на холм, где стояли молодой король и его разозленные военачальники.

— Сир, безопаснее перейти в тень.

— А еще лучше вернуться в ставку, сир.

Тэррин смотрел на перевал впереди, дорога там вилась, как шелковая нитка. Пусть слова советников и командоров почтительны, а лица бесстрастны — но Тэррин словно слышал хлесткие фразы, которые звучали в их головах.

«Что за безумие, стоять на виду у врага, только чтобы побыть на три метра ближе к ней!..»

«Король потерял голову, когда эта женщина приблизилась к границам...»

А может, это его собственные мысли? Вряд ли военачальники судили его строже, чем он — сам

себя.

Высоко в небе кружили орлы, ниже — вороны. Они чуяли скорую битву.

— Когда армия Пеума пересечет границу?

— Авангард — уже через полчаса, сир. Но в округе — десятки отрядов конных разведчиков Золотого короля. Потому нам лучше перейти в тень вон той скалы. Этот же холм хорошо просматривается и простреливается, — продолжал уговаривать командор Стальной конницы Лериль.

При дворе королей Версаэтта существовала должность — Говорильщик Правды. Этот рискованный человек обязан был возвышать голос при повелителе, даже если его совета не спрашивали. Он был единственный из всех подданных короля, которого тот мог казнить только с разрешения Совета.

Сегодня утром Говорильщик Правды сказал Тэррину такую фразу: «Любовь — не аргумент в войне». Тогда король приказал Говорильщику оставаться в лагере, а сам уехал с советниками осматривать холмы для боя. Только сейчас, похоже, все его военачальники решили стать Говорильщиками.

— Если мы встанем у скалы, то так же хорошо будем видеть Золотого короля, — безучастно произнес капитан лучников и копейщиков Гурель, — вернее, увидеть его мы все равно не

сможем. Ибо — далеко.

— Только ночью мы разбили три разведотряда Пеума, на этих самых холмах, — согласился одноглазый Бриам, мрачно наблюдая, как большая воронья стая садится в дубовую рощицу на склоне.

Только Матаэль, брат короля, молчал и напряженно вглядывался в лицо Тэррина. Будто наблюдал за раненым в голову, который без одобрения сиделок встал с кровати и побрел не пойми куда.

Мгновение — из-за подножия Южного холма показались передовые отряды Золотой армии. Даже на таком расстоянии Тэррин слышал походные горны и рокот земли под ударами копыт. Как река в половодье — шеренги залили дорогу, расширяющуюся после седловины. Тридцатисычаная армия воинственного государства Плет-Вотин вступала в долину.

А у него, Тэррина, только двадцать тысяч. Двадцать тысяч — и все.

— Где Пеум разместит ставку?

Ответил командор Каменной конницы:

— Мы думаем, на Ветреном холме, — Лериль показал рукой на юг, — еще они займут вон тот холм, его называют Рыжий Кот.

— Я знаю, как называется этот холм. Я же король этой земли.

— Наши каменные люди говорят, что уже не чувствуют эти два холма. Колдуны Пеума начали обманывать наши территории.

Тэррин повернулся в сторону Ветреного и Рыжего Кота. Хоть он впервые был здесь, у самой границы, но чувствовал камни и деревья в округе — все живое и неживое открывалось ему. Все, кроме людей.

— Да, эти холмы уже обмануты. Они поверили, что принадлежат Пеуму... Но они еще помнят меня...

Лица советников едва заметно потеплели. Если молодой Тэррин действительно чувствует землю, значит, он все-таки какой-никакой король. Так они рассуждали?..

А где сейчас она?

Тэррин послал коня вперед, и прежде чем сориентировались советники — выехал на самый край обрыва. Конечно, он не увидит ее, слишком далеко. Она, должно быть, в арьергарде, на белой лошадке. Как же она ее называла — Синичка? Белоснежная Синичка, вторгающаяся в его страну.

Из-под копыт скакуна Террина выскользнула ящерка, и заполошно кинулась в сторону, скрипя сухой травой.

Матаэль, который не имел моральной силы что-либо указывать брату, просто направил своего серогривого перед носом коня Тэррина —

перегородив ему вид с обрыва.

«Если бы мой Сумрак не сделал шаг назад, Матаэль уже летел бы вниз... Готов ты был, брат, к такому повороту?» — говорило отравленное сердце молодого короля. А Матаэль смотрел на него с такой любовью и верностью, что Тэррина затошнило.

— Сир! — их немой спор прервал молодой всадник в доспехах простого солдата. Только зеленая точка на панцире у сердца говорила, что это — каменный человек.

— Сир, с юга сюда приближается отряд разведки Пеума, тридцать всадников с луками. Они будут на расстоянии полета стелы через 5 минут. С ними три колдуна.

Советники напряглись, как тетивы.

«Ладно, молчите уж», — сказал про себя Тэррин и развернул коня к лагерю. Так он и не увидел ни Синичку, ни ее хозяйку...

В лагере — суета!

Сейчас Тэррин больше всего хотел остаться один, и тяжелым взглядом провожал воинов, которые сновали туда-сюда. Интересно, они хоть понимают, что делают, или просто бегают с места на место, чтобы как-то успокоить свое возбуждение?

Насколько же мрачными были лица его

советников, настолько же сияли улыбки союзников из Тасмии. Они подошли к королю, едва он успел спешиться.

— Венценосный повелитель Тэррин, битва будет завтра?

Седобородый военачальник Гаэд даже в солнечное майское утро кутался в плащ, его сын — наоборот, и рубашку расстегнул, чтобы покрасоваться крепкими мышцами. Тасмийцам пока не было необходимости сражаться против Золотого короля — сейчас он не представлял прямой угрозы для их государства быстрых рек. Но Тэррин пообещал Тасмии исключительные условия торговли в устье Вила, и тасмийская королева прислала ему в помощь тысячу рыцарей. Тэррин готов был дать руку на отсечение, что она приказала им бросить копья, едва только Золотой король ударит слишком сильно.

Тэррин улыбнулся так широко, как только был способен.

— Именно так, командор Гаэд, вы будете сражаться под началом моего брата Матаэля в самом центре нашего построения. Напротив Непобедимых Золотого короля.

Гаэд услужливо кивнул, а Тэррин продолжал:

— Большой совет — через полчаса в общем шатре, командор.

Один, он должен остаться один!

В своем шатре король швырнул плащ в одну сторону, перевязь — в другую. Старший оруженосец, угадывая настроение повелителя, побоялся даже переступить порог.

Боль, какая боль!..

Тэррин сел на кровать.

Что же он сделал не так? Его верный спутник, белый камешек-кварц, привычно лег на ладонь. Сколько раз он слышал эти рассуждения Тэррина. Что же король сделал не так?

И снова, снова он вспоминал то самое пророчество. Видение о той, которая полюбит его и будет с ним всегда.

Эти слова: «Господин, вы ранены?» Девушка, которая выходит из тумана над рекой. И конь под уздцы, бледный в туманном молоке. «Господин, вы ранены?» Любовь всей его жизни. Это же так, белый кварц?

Конечно, я ранен. Все сходится. И ранила меня она, принцесса с белой лошадкой и глазами цвета тумана. Неужели такая вот она — любовь всей его жизни, когда от боли дышать трудно, а в груди отравленная стрела? Такую большую любовь обещал ему Творец?..

Серебряный кубок, брошенный его рукой, улетел в полог шатра.

— Сир, большой совет начинается.

Лериль стоял у входа в шатер и делал вид, что

ничего не заметил.

— Иду, — буркнул Тэррин. Кварц спрятал на груди, как всегда.

Нет, ему не может быть так больно всегда. Это физически невыносимо. Надо самому себе поставить срок — и конец этим глупым страданиям. Пусть ему будет так больно только три дня. Три железных дня.

История эта началась в такой же день конца весны, в год 289 Распада Первой Империи, или в 5779 от Сотворения людей — как кому нравилось считать. В Версаэте предпочитали вести летоисчисление от Распада, так как именно в тот год западная провинция стала называться королевством, и давний предок Тэррина приказал отлить корону.

Май, юный Тэррин только-только вернулся из Горного Тофема — закончился год его обучения в монастыре. Он заново радовался шелку на теле, мечу в ножнах — в Тофеме всего этого не было.

Он с кавалькадой въезжал в Первый город. Копыта лошадей словно выбивали музыкальный такт на залитых солнцем камнях мостовой, а девушки улыбались Тэррину так сладко, будто знали, что он наследный принц, а не кто-то там...

По случаю конца весны в Ратуше был большой бал — впрочем, в Первом городе балы

давали по любому поводу. Тэррин немного переживал, что разучился танцевать — в Горном Тофеме, вопреки распространенному мнению, танцы были, но лишь по праздникам два раза в год.

А может он там и встретит ее — обещанную любовь? Такая мысль пришла и забылась. Но во внутренний карман на груди принц положил белый камешек кварца — свидетель его завета.

Сотни свечей, сотни людей. Кого-то Тэррин знал по Тофему — они радостно улыбались друг другу, с кем-то учился в военной академии в Фаросе, кого-то знал, как соседей, ну а кого-то и в глаза не видел доселе. В Первый город стекалась знать всего Первого мира. Самые красивые девушки искали здесь будущих мужей.

Играла музыка, танцевали пары. В больших медных чашах плавали срезанные бутоны белых роз и свечи на деревянных кораблицах. Тэррин поймал себя на мысли, что смотрит на все как восторженный щенок, которого первый раз взяли на прогулку.

Ему бросилась в глаза одна девушка — гибкая, как ящерка, с косами цвета пшеничного поля и длинной лебединой шеей. Она хорошо танцевала, а он любовался ее движениями.

— Брисеида Лэр, — представили ее, когда Тэррин все же решился подойти.

Она была какой-то родственницей королеве

Биарии. Лишь удачная женитьба могла возвести ее на престол. Именовывать ее принцессой было совсем не правильно, хотя все называли ее именно так. Она сразу показала принцу характер.

— Почти король Тэррин, здесь не стоят в углах. Вы же не в засаде на военной практике.

Принц растерялся, она смеялась. Глаза ее сверкали и смотрели прямо на него.

— Миледи Брисеида, может вы оказали бы мне честь и подарили мне следующий танец?

— Я — принцесса Брисеида, — девушка снова засмеялась. На этот раз он сам улыбался уже во весь рот.

К смущению принца, следующим танцем оказалась быстрая гальярда — он не упражнялся в ней, казалось, тысячу лет. К тому же, в Первом городе ее танцевали не так, как в Версаэте. Стоило ему взять принцессу за руку, и пары рядом начали хихикать — Тэррин только потом заметил, что здесь кавалеры обнимают дам за талию и так кружатся с ними, не отпуская ни на миг.

Сначала Тэррин сбивался, а Брисеида только улыбалась и сверкала очами. Ее дыхание обжигало его шею, от красного платья к его рукам шел жар. Когда принц, наконец, полностью освоился в новых фигурах, и даже перестал бояться наступить на бархатную туфельку Брисеиды — музыка оборвалась, глухо ударил барабан. Тэррин замер —

для него этот звук был одним из военных сигналов, но на балах в Первом городе, очевидно, барабанный бой означал совсем другое.

В зале раздался дружный смех и аплодисменты.

— О, наконец-то, время поцелуя! — завопил рядом какой-то рыцарь.

Тэррин только оглядывался удивленно. А кавалеры вокруг пылко обнимали своих дам и целовали в губы.

— Что происходит?

— Почти король Тэррин, в Первом городе на балах такие традиции, — смеялась Брисеида.

— Целуй девушку, олух — подсказал кто-то из танцевавших рядом.

И хотя Тэррин не признался бы в этом никому, в последний раз он целовался в 14 лет. Играя в дворцовом саду с соседской принцессой Эгерой, он сгреб девочку в охапку и приник к ее губам. Эгера, младше его на два года, в секунду вырвалась и залепила ему сильнейшую пощечину, а потом расхохоталась. Причем хохотала минуты три, как-то зло и обидно. А потом целый вечер исподтишка называла его «принц-дурачок». С тех пор с поцелуями у Тэррина не сложилось.

Брисеида смотрела ему в глаза, и рукам принца было горячо на ее талии. Он наклонился и осторожно прикоснулся к ее губам.

Интересно, если сейчас его как молния пронзила, что будет, если он ее поцелует по-настоящему?

Тэррин провел принцессу на место и поклонился, голова чуть кружилась. Рядом, в большой чаше, деревянный кораблик внезапно загорелся от свечки, вспыхнул весь и пошел ко дну.

И было это без одного дня — ровно год назад.

Когда Тэррин вошел в большой шатер. Его полководцы уже собрались и слушали донесения разведотрядов. Лица их были мрачнее мрачного. Интересно, многие ли уже договорились с Пеумом за спиной своего короля? Все-таки, сражаться против тридцати тысяч, когда у тебя только двадцать — это обрекать себя на смерть или плен.

И лишь тасмийцы улыбались, будто и Пеум обещал им исключительные торговые условия в дельте реки.

Посреди шатра на постаменте лежал Камень Земли Версаэтта. Тэррин дернулся — он понял, зачем его принесли сюда. Снова командоры начнут отчитывать своего короля.

— Сир, мы думаем, вам следует сегодня же перенести ставку на пять километров дальше от границы, в городок Крайний бастион. Так вы сможете видеть битву, но будете в безопасности.

И это говорил Лериль, командор его Стальной

конницы. Тэррин предпочел сделать вид, что он не понимает, о чем идет речь. Продолжил Бриам.

— Сир, мы думаем, после битвы Пеум вышлет к вам торжественное посольство.

Тэррин молчал. Тут вмешался Говорильщик правды. Конечно, куда без него...

— Сир, вам, по сути, предлагают почетную капитуляцию. Не сразу, конечно, а после битвы.

— А почему же не сразу, а после битвы?

— Ну, чтобы заставить Золотого короля согласиться на более выгодные условия. Так-то он хочет войны. Посмотрим, что будет после сражения, когда его Непобедимые зальют кровью эти холмы.

Тэррин обвел взглядом лица военачальников. Похоже, они обо всем договорились. И, судя по тому, как багровеет шея Матаэля, не согласен со всеми только он.

— Что, все так плохо? — Тэррин попытался сделать голос безучастным.

В разговор вступил командир его лучников и копейщиков Гурель.

— Сир, численный перевес весьма велик. К тому же нам совершенно нечего противопоставить бронированной коннице Пеума. Десять тысяч рыцарей, и не зря их прозвали Непобедимые. У нас всего пять тысяч тяжелых всадников. Копейщиков — восемь тысяч. А у Пеума — тринадцать тысяч.

Наших лучников — две тысячи. У Пеума — семь.

— Понял, понял, — с раздражением прервал Тэррин, — что бы ни было у нас в арсенале, у противника всего больше ровно на пять тысяч.

Тут в разговор вступил Тломин, командор всех каменных людей — доселе он молчал.

— Сир, наше огромное преимущество, что мы сражаемся на нашей территории. Это не просто символ, — он кивнул в сторону Камня Земли, — а свидетельство, что земля Версаэтта принадлежит вам, и все живое и неживое будет делать то, что вы прикажете. Гром, землетрясение, смерч, огонь — вы все можете создать здесь. Сам Творец дал вам эту власть над этими землями. И мы — люди камня, тоже рядом с вами.

Тэррин смотрел на Камень Версаэтта, огромный изумруд, сияющий, как солнце в листве. В его сердцевине были два пузыря, один больше, другой поменьше. Когда-то из камня вынули два осколка и сделали два кольца. Для короля и королевы. Знак того, что Камень Земли повинуетя им, и вся земля — тоже повинуетя им. Тэррин погладил свое кольцо — от близости Камня оно сверкало ярче.

— Командор людей камня заходит издалека, — вмешался Говорильщик правды, — а я люблю прямоту. Ваш вассал Тломин хочет сказать, что раз уж вы своими руками отдали Кольцо

Королевы нашему врагу, непонятно теперь, кому будет подчиняться ваша земля. Кто в итоге будет создавать смерчи там всякие и землетрясения.

Тэррин рывком встал. Поднялись и военачальники.

— В мою палатку — на малый совет, — кивнул он старшим командирам, — и ты, любитель говорить начистоту — тоже.

Нет, Тэррин вовсе не собирался капитулировать.

Брисеида Лэр на сей раз спрятала пшеничные локоны под шелковый платок — он туго обвивал ее шею, отчего принцесса становилась похожей на белого лебедя. Тэррин знал, что на пикнике у реки в Первом городе барабан не ударит, но все равно старался держаться к девушке поближе.

С утра ярко светило солнце, но когда родовитая компания расположилась у речных ив, небо на востоке затянуло подозрительными тучами, полосатые тенты затрепетали от порывов ветра.

Тэррин с трудом мог собрать мысли и чувствовал себя бестолковым, как тюк сена. Но Брисеида, похоже, не смущалась его компании и все рассказывала о тайной истории Первого города.

Тэррин подумал вдруг: она — самая красивая девушка на пикнике. Он заставлял себя отводить взгляд от губ принцессы и смотреть ей в глаза, как

его учили по этикету.

Одна фраза вывела принца из восхищенного оцепенения.

— Под мостом остались обломки корабля? Принцесса, в это трудно поверить. Тут должно быть самое сильное течение, корабль уже снесло бы к устью Пра-реки.

— Почти совсем король, истинная правда, корабль лежит на дне до сих пор. Его хорошо видно с середины моста.

Тэррин указал рукой на мост. Он был совершенно пустой сейчас — дальние раскаты грома распугали тех, кто хотел прогуляться к паркам на восточном берегу Пра-реки. Брисеида оглянулась на компанию своих друзей — они встали с плетеных кресел и обсуждали со слугами, стоит ли, пока не поздно, переместиться в беседки в глубине парка. Принцесса азартно улыбнулась и пошла за принцем на мост.

Тучи бурлили над ними, а едва они дошли до середины моста, первые капли упали на камни под ногами.

— Мы еще успеем посмотреть и вернуться обратно, принцесса!

Едва Террин произнес эти слова, на них обрушился самый страстный майский ливень из всех, что доселе видел принц. Камни зашипели, Пра-река вспенилась от дождя. Брисеида то ли